

Е.В. Белогурова

Алтайский государственный университет

**Локальный текст с региональной
и общенациональной точки зрения
(На материале критической рецепции романа
М. Булгакова «Белая гвардия»)**

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию исторических предпосылок появления «киевского текста» М. Булгакова на примере первого романа «Белая гвардия». Проблематика статьи связана с рассмотрением эстетических, политических, символических дискуссий в изучении булгаковского текста в контексте славянской культуры.

The paper studies the historical prerequisites for the appearance of the «Kiev text» in M. Bulgakov's works on the basis of his first novel «The White Guard». The paper considers the aesthetic, political, and symbolic disputes in studying Bulgakov's text in the context of the Slavic culture.

Ключевые слова: Город, Дом, Киевский текст, Киев, М.А. Булгаков, «Белая гвардия».

Town, house, Kiev text, Kiev, M. Bulgakov, «The White Guard».

УДК: 821.161.1

Контактная информация: Барнаул, ул. Димитрова 66. АлтГУ, филологический факультет. E-mail: e.blgrv@mail.ru.

Творческая судьба писателя Булгакова началась в Киеве на Андреевском спуске, в доме № 13, в доме Турбиных. Киевский хронотоп организует художественное пространство первого его романа «Белая гвардия». При этом Киев в продолжение всего повествования нигде не назван своим именем, замещенным словом «Город», в котором актуализируется некое архаическое и общеродовое значение «*матери городов русских*», восходящее к легенде Нестора-летописца в «Повести временных лет», согласно которой апостол Андрей в I веке побывал в Поднепровье и на одной из киевских гор водрузил крест как символ будущего города. «Повесть временных лет» начинает последовательное изложение истории Киева как столицы Древнерусского государства с 862 года. Киевский текст Булгакова расширяет границы летописного хронотопа, акцентируя достопримечательности города, представляющие его как центр единства православно-христианского славянского мира. Подробное описание Киева в романе подчинено строгой логике раскрытия символических значений.

Город в культурной традиции изначально представляет собой структуру порядка, мыслимого в категориях иерархичности, пропорциональности и целесообразности. Именно такую структуру идеально воспроизводит в романе город-миф. Реальный же город 1918 года демонстрирует не просто нарушение внешнего порядка, а внутренний распад структуры, проявляющийся, во-первых, в диспропорциональности, в невероятном разбухании живой массы города, не вмещавшейся в его строгие каменные пределы: город «наполнялся и наполнялся пришельцами», бежавшими из большевистской России; «за каменными стенами все квартиры

были переполнены» [Булгаков, 1988, с. 219–220]; «Город разбухал, ширился, лез, как опара из горшка» [Там же, с. 222].

На протяжении всего повествования в романе параллельно мотиву конца света развивается мотив бессмертия, незыблемости, вечности мироздания и высших ценностей, созданных человеком. Собственно в соизмерении с вечностью определяются вещи ценные, реальные, сущностные – и фантомы, явления призрачные, химерические, переходящие. «Совершенно бессмертны» часы, «Саардамский плотник», «голландский изразец», и «Фауст», и Владимир с крестом, и вещей Олег, София. Мифически призрачны гетман, и Симон Петлюра, и надрывно веселая суета разбухшего от беженцев Города под столь же мифической защитой немцев. Город Булгакова двойственен, он существует в реальном историческом времени – это город беспокойного 1918 года, и в то же время несет черты Города-мифа.

В современной рецепции Киевского текста в романе Булгакова складываются две противоположные его трактовки, обусловленные, в большей мере, идеологическими факторами. С одной стороны, исследователи склонны вывести Булгаковский Город за пределы локального текста в космополитическое пространство мира без географических, национальных, конфессиональных границ. Сложившаяся традиция в понимании мистериального творчества Булгакова рассматривает Киев двояко: как Вечный Город – Иерусалим и одновременно Вечный Город Рим. Данной традиции вторили изображаемые Булгаковым Золотые ворота, пещеры, Нижний Город, Верхний Город – все, что имелось в описании и Рима, и Иерусалима. Так, М. Петровский в статье «Мифологическое городоведение Михаила Булгакова» 1991 года отмечает: «Киев у Булгакова не в изображении родного города, не в названии киевских реалий, вообще не в “теме”, – он в самой структуре мышления писателя, в типологии его творчества... Брался отвлеченный от Киева образ Города и на него накладывались дополнительные цвета и оттенки Иерусалима, Рима, Москвы, Константинополя, извлеченные из Киева же» [Петровский, 1991, с. 28].

Напротив, Я.А. Полищук в статье «Имагологический локус Киева в русской культуре XX века» 2008 года пытается включить булгаковский Киев в сугубо национальную, если не сказать, националистическую точку зрения. Исследователь усматривает в локальном тексте Булгакова актуализацию темы господства имперской российской власти при описании элементов новой застройки города на страницах романа, отмечает, в частности, что в интерпретации Киева писатель употребляет символы-образы, подтверждающие господство Российской империи, а символы традиционные, национальные оказываются на периферии и София со звонницей Мазепы, и Лавра, и Киево-Могилянская академия на подоле.

В статье Я.А. Полищук отмечает, что предметом культа и своеобразной доминантой Города в романе «Белая гвардия» становится памятник святому князю Владимиру Великому, изваянный в Петербурге и установленный царской властью в 1853 году на одном из приднепровских холмов. Автор статьи акцентирует внимание читателя на символичности памятника не только как реализации имперского прошлого, державную силу монархического государства, но и милитарное могущество Российской империи, словно забывая, что в руках Святого Владимира не меч, а крест, вменяя в вину автору «Киевского романа» невнимание к великому и в то же время противоречивому архитектурному прошлому эпохи Ивана Мазепы.

Несомненно, в романе все безграничное пространство централизует и подчиняет «белый крест в руках громаднейшего Владимира на Владимирской горке» [Булгаков, 1988, с. 219]. В архетипическом смысле это центр Города-мира, отмеченный гигантским изображением «богоравного героя» (Владимир Красное солнце, защитник города). Поскольку в общеродовом, генеалогическом смысле «креститель» Владимир – основатель святой православной Руси, постольку и Город

Владимира – «мать городов русских». «Белый крест, – читаем у Булгакова, – был виден далеко, и часто летом, в черной мгле, в путаных заводях и изгибах старицы – реки из ивняка, лодки видели его и находили по его свету водяной путь на Город, к его пристаням» [Булгаков, 1988, с. 219]. В художественной системе романа Святой Владимир на вершине города служит ориентиром для заблудившихся в адском хаосе захваченного петлюровскими войсками Города. Николка в беготне по городу, в поисках дома погибшего Най-Турса «терял присутствие духа, и падал, и опять поднимался, пока не оказался в полном одиночестве на Владимирской горке, где вопреки городской суматохе и гаму, царят «мир и полный покой», и вновь повествователь не упускает случая, чтобы обнять этим покоем и миром бескрайние просторы родной земли. Видение и покой святого места проникают в душевное состояние героя («Николка облегченно вздохнув...») и помогают найти путь «к заветному искомому месту» [Там же, с. 398]. Это «заветное» место проходит через *улицу Мало-Провальная*, соединяя на повороте судьбы братьев Турбиных, нашедших здесь свою любовь и надежду.

В то же время на транспаранте города-мифа рельефно и в деталях прописана реальная топография Киева в названиях окрестных деревень, пригородов, улиц и переулков нижнего и верхнего Города, его административных, культурных, торговых достопримечательностей, в которых и среди которых продолжается жизнь булгаковских героев¹. И в этом реальном плане города наступление его последних времен проявляется не только в трагическом развитии исторических событий и судеб героев, но и в переменах, касающихся самой сущности города и функционирования его элементов.

Отмечен в романе и другой сакральный топос Города – Софийский собор, венчающий Верхний город, заложенный Ярославом Мудрым в память победы над печенегами... Его золоченые купола, так же как и сверкающий крест Владимира, несет, кроме своих сакральных значений еще и древнюю функцию путеводных знаков. Софийский собор заложен на самом высоком месте – на поле победоносной битвы киевлян с печенегами. Потому многокупольный Софийский собор открывался путнику отовсюду, через какие бы ворота он ни вошел в город.

В статье Я.А. Полищук выстраивает топографическую иерархию городского расположения «Киев – форпост государства в его юго-западной части. Все дороги из Города стремятся вверх, на северо-восток, в “таинственную Москву”, даже левый берег называется московским». С другой стороны открывается «темной скованной лентой» колонизированное пространство, провинция, то есть «седые дороги, Запорожская Сечь, и Херсонес, и дальше море» [Полищук, 2008, с. 79].

М. Петровский в книге «Мастер и город. Киевские реалии М. Булгакова» пишет: «Творчество Булгакова – достоверная модель культуры Киева, породившая писателя» [Петровский, 2008, с. 343]. Вместе с тем ученый указывает, что Город Булгаков вслед за традицией разделил на две части: Город и провинцию, объясняя это словами киевлянина Николая Бердяева, провинциально все, что удалено от Бога. В изображении городской жизни героев Булгаков четко реализует функциональность плана славянского города, строившегося на холмах, «на горах» и делившегося на верхний и нижний город. Верхний – царский, княжеский – административный, общественный культурный центр. Нижний – «Подол» – посадская, ремесленная, рабочая часть. *Алексеевский спуск*, где живут Турбины, как бы обеспечивает связь, пульсацию жизни между верхним и нижним городом. Подол – *подол города-матери* – спасает, прячет их во время бегства от петлюровцев. В то же время риторическое описание верхнего и нижнего Города эксплицирует их символические значения как преисподней и райского миража. «Электрические станции нижнего города наводят на мысль о страшном и суетном электрическом

---

¹ Киевские реалии булгаковского Города подробно рассматриваются в кн.: [Петровский, 2008].

будущем человечества, в их сплошных окнах... видны неустанно мотающие свои отчаянные колеса машины, до корня расшатывающие основание земли». В то же время питаемый их энергией верхний Город «играл светом и переливался, светился, и танцевал, и мерцал по ночам до самого утра, а утром угасал, одевался дымом и туманом» [Петровский, 2008, с. 219].

Я.А. Полищук приводит ряд известных культурных деятелей: киевского поэта Владимира Маккавейского и Бенедикта Лифшица, привнесших новое видение топоса города, обращая внимание на колоритность, деликатность, гармоничность, и ненавязчивость авторских характеристик, противопоставляя вместе с тем образы города в «Белой гвардии». Булгаков в своем новом слове о гибели Русской земли воспроизводит и монументальное описание, и это «панорамное зрение»: «Как многоярусные соты, дымился, и шумел, и жил Город. Прекрасный в морозе и тумане на горах, над Днепром. Целыми днями винтами шел из бесчисленных труб дым по небу. Улицы курились дымкой, и скрипел сбитый гигантский снег. «И было садов в Городе так много, как ни в одном городе мира». «Сады красовались на прекрасных горах, нависших над Днепром, и, уступами поднимаясь, расширяясь, порою пестря миллионами солнечных пятен, порою в нежных сумерках, царствовал вечный Царский сад» [Булгаков, 1988, с.56].

В то же время, пытаясь отделить Киев от общей восточнославянской истории и, главным образом, от истории России, Я.А. Полищук невольно смыкается с позицией М. Петровского, лишая Киев национальной самобытности. В полном согласии с политической стратегией современной Украины, ориентированной на Евросоюз, Я.А. Полищук пытается противопоставить Московскому Киеву Булгакова Европейский Киев начала XX века: «город преодолевает провинциальное однообразие XIX столетия, приобретает новые яркие черты, выделяющие его среди других полисов Российской империи» [Полищук, 2008, с. 73]. Молодые художники переносят на благодатную почву Украины сецессионный стиль Европы, заимствуя западные стили и техники. «Киев... вновь приобретает утраченный когда-то статус метрополии. А художественное воображение поэтов ставит его в один ряд “вечных” городов, органически выражающих судьбы народов и целого человечества, – наряду с Иерусалимом, Римом, Царградом-Константиноплем, Парижем, не говоря уже о Петербурге и Москве» [Там же, с. 77].

Так, локальный текст в литературе становится полем дискуссий не только эстетических, но и весьма напряженных политических проблем, требуя как никогда критерия объективности в подходе к предметам искусства.

Предпринятое нами исследование темы Дома и Города в романе «Белая гвардия» в контексте славянской культуры служит, на наш взгляд, достаточно аргументированным опровержением критики Я.А. Полищука. Тем не менее, выделяем еще раз основные моменты текста Булгакова, которые позволяют отвести подозрения украинских критиков в имперских, великодержавных симпатиях писателя. Уже самая безымянность города в романе акцентирует, как мы говорили, архетипические, историко-генетические, общеродовые славянские значения булгаковской концепции. Централизация городского пространства вокруг памятника киевскому князю Владимиру, воздвигнутого русским императором, обусловлена не идеей утверждения мощи русской империи, а естественным его местоположением на самой высокой точке города, да его окрестностей, то есть является основой, генерируя поэтическую семантику «мундуса» – центра Города-мира, мировой оси, соединяющей небо и землю. Соположенность громаднейшего «Владимира» с величественным Софийским собором знаменует не мотив Российской империи, а величие мощи православия, объединяющего славянские народы общей историей и верой. Семантику объединения под одной верой несет и памятник Богдану Хмельницкому, стоящий напротив «Старой святой Софии». Той же цели связующих, объединяющих начал Востока и Запада, Украины и России служат два «громадных места» на Днепре.

Вменяемый в вину писателю факт не упоминания в тексте романа таких дорогих сердцу киевлян достопримечательностей, как Лавра, Киево-Могилянская академия и др. связан не с национальными предпочтениями Булгакова, а с реальным прошлым жизни и деятельности его героев, кадровых офицеров.

Литература

- Булгаков М.А. Белая гвардия. Театральный роман. Новосибирск, 1988.
- Петровский М. Мастер и Город. Киевские контексты М. Булгакова. К., 2008.
- Петровский М. Мифологическое городоведение Михаила Булгакова // Театр. 1991. № 5. С. 14–32.
- Полищук Я.А. Имагологический локус Киева в русской культуре XX века // Региональный литературный ландшафт в русской перспективе. Тюмень, 2008. С. 73–83.